

СИРЕНЬ ЛЕГКО В ОТРЫВ УХОДИТ...

* * *

С трудом приподнимаюсь на мыски,
карабкаюсь на холм обледеневший,
поскольку умираю от тоски
порядочно от жизни претерпевший.

Не в силах заглянуть за край земли,
откуда веет ветер раскаленный,
откуда прилетают журавли,
чуть снег сойдет, к нам на лужок зеленый,

я неожиданно ловлю себя на том,
что поутру с кровати свесив ноги,
в буквальном смысле чувствую нутром:
настало время подвести итоги.

* * *

Особенно если подняться на гору,
взобраться суметь на вершину,
чудесный откроется нашему взору
вид сверху тогда на равнину.

Бесплодные пашни и чахлые рощи.
С сумою и даже с тюрьмою
весной примириться значительно проще,
чем летом и даже зимою.

Обрывок невидимой сети паучьей,
подхваченный ветром, кружится.
Вода тяжела, словно ртутью тягучей,
река поутру серебрится.

И я ощущаю в себе перемены,
заметные внешне едва ли,
как будто глухие обрушились стены,
открылись бескрайние дали.

* * *

Чуть свет просыпаться – ни свет ни заря!
Считай, что тебе повезло –

ты первым, бессоннице благодаря,
подняться сумел на крыло.

Еще за окошком клубится туман,
и леса не видно почти,
а ты уж за спичками лезешь в карман
и мнешь сигареты в горсти.

* * *

Тяжелее воинской повинности
жизнь моя садово-огородная –
так я полагаю по наивности,
так как за окошком ночь беззвездная.

Так как за окошком тьма кромешная,
тяжесть ощущаю я пудовую,
будто погребла лавина снежная,
заманивши в западню ледовую.

* * *

Вдруг все ко мне приблизилось настолько,
что поневоле я отвел глаза.
Все знать, все чувствовать порой так горько.
Тут мутны реки и темны леса.

Не избежит внимательного взора
тут каждый кустик, каждый бугорок.
Бессмысленность дырявого забора
сквозит промеж досок, как между строк.

И я осознаю предельно ясно
нелепость положенья своего.
Стараюсь залатать дыру напрасно,
из этого не выйдет ничего.

* * *

Будто обхватив себя за плечи,
женщина сидит на подоконнике.
Света нет. Во тьме мерцают свечи.
За окном щеглы снуют в терновнике.

Чтобы не спугнуть их ненароком,
на мгновенье задержу дыхание.
Я боюсь, как бы не вышло боком
в общем-то невинное желание.

Тихо так, что в самом деле слышно,
как во тьме кромешной свечи плаваются,
как фиалка, расцветая пышно,
очень хочет нам с тобой понравиться.

* * *

Сколько взмахов крыльев мотыльку
нужно, чтобы перебраться за реку?
Чтоб свою развеять грусть-тоску
я гуляю по земному шару.

Вечер изумительно красив.
Солнечно, на небе нет ни облачка.
На тебе широкий черный лиф
и навывпуск легонькая кофточка.

* * *

Уже не холодно – прохладно.
И, в сад спустившись поутру,
мне вдруг становится досадно,
что я когда-нибудь умру.

На лужах корка ледяная.
Всю правду, зеркальце, скажи:
*Кто эта женщина такая,
что я не чаю в ней души!*

* * *

Льется дождь из тучи снеговой
чистыми и ясными ручьями
прямо у меня над головой
темными и долгими ночами.

Так как спичка гаснет на ветру,
рассмотреть не каждому под силу
апельсиновую кожуру,
словно в камне золотую жилу.

* * *

Русского барина я представлял не иначе –
в длинном китайском халате и феске турецкой.
Поздняя осень, наверное.
Холод собачий.

Невероятно, но намертво в памяти детской
запечатлелась картинка, подобная этой.

Холод собачий.
Наверное, поздняя осень.
Листья с березки совсем уже полураздетой
падают наземь и бьются мучительно оземь.

* * *

Три года ждут обещанного тут.
И я, согласно метеопрогнозу,

упорно жду, когда дожди пойдут,
чтоб наконец спокойно сесть за прозу.

Один сюжет мне не дает уснуть.
Весна. Грачи. Все, как и подобает.
Христос воскрес, с годами крестный путь
травкою подзаборной зарастает.

* * *

Мутный свет переполняет улицы.
Сделавшись глуха на оба уха,
наподобие безмозглой курицы,
мечется по площади старуха.

Нет бы ухватить старуху под руки
и умчать беднягу за собою,
но куда-то подевались отроки
те, что с барабаном и трубою.

Может, улетели они за море,
может быть, уплыли за три моря,
так как время лучшее не самое.
Много на земле родимой горя.

* * *

Я соскучился по лету пионерскому,
по густому киселю и жидкой каше,
по всему тому дурацкому и мерзкому,
что казалось мне всего милей и краше.

Солнце шевелит усами,
чесет лапками
поутру свою козлиную бородку,
и, посверкивая розовыми пятками,
ходит-бродит взад-вперед по околотку.

* * *

На заре, когда за занавесками
слышатся раскаты грозовые,
в сумерках алмазными подвесками
полыхают капли дождевые.

Зрелище почти что ирреальное,
как в Колонном зале панихида.
Тщательнейшим образом астральное
тело напомажено для вида.

На подобное мероприятие
сил и средств затрачено немало.
Тоталитаризма неприятие
притупилось, общим местом стало.

* * *

Может, рано или поздно в свой черед
отыщу родную душу, пусть не сразу,
лишь бы только окончательно народ
в однородную не превратился массу.

В переполненном вагоне полумрак.
На рассвете воздух жаркий и тяжелый.
Оттого ли, что под голову кулак
положил я, сон увидел невеселый?

* * *

Простеньким устройством Мироздания
мне не представляется, а жаль –
так бы за проявленные знания
золотую получил медаль.

Но смотрю на мир я с содроганием,
ничего не понимая в нем.
Жизнь промеч грехом и покаянием,
будто путь в ближайший гастроном.

Там стеной бутылки разноцветные
вкруг меня, как темный лес, стоят,
в полумраке фантики конфетные
осыпают с головы до пят.

* * *

Местонахождение души
так и остается неизвестным.
Не смогли ученые мужи
разделить духовное с телесным.

Без нужды терзали плоть мою,
думали, что я в конечном счете
перед пытками не устою,
душу загублю заради плоти.

Но когда мой смертный час настал,
вовсе не от боли, а от злости
вдруг зубами я заскрежетал,
как мертвец ужасный на погосте.

* * *

Нет времени у нас на пустяки,
чтоб размениваться нам по мелочам.
Я давно не собираю медяки,
медяками не стучу я по ночам.

Но попробуй помешать мне пиво пить
и курить табак в общественных местах,

но попробуй запретить мне слезы лить,
до рассвета соловьем свистать в кустах!

* * *

Человека с ружьем не бояться
искушение столь велико,
но на месте ушастого братца
я бы слушать не стал никого.

Ни вождя трудового народа,
ни охотников, ни егерей,
так как стар становясь год от года,
дорожу все же шкурой своей.

* * *

Только эхо звона колокольного,
словно эхо залпа орудийного.
От напитка крепкоалкогольного
можно ожидать похмелья сильного.

Мне не будет от него спасения.
Завтра целый день – с утра и до ночи –
всех усердней в праздник Вознесения
буду возносить мольбы о помощи.

* * *

Сон мой побороть взялись с утра
по двору снующие рабочие,
страшно донимала детвора,
комары, до кровушки охочие.

Оттого, что спал я на боку,
снились мне кошмары всевозможные,
будто я рублю на всем скаку
бледные ромашки придорожные.

* * *

Из-за близорукости своей
часто дальше собственного носа
я не вижу, и в один из дней
угодить рискую под колеса.

Я могу легко попасть в беду,
может быть, излишне доверяя –
триста шестьдесят пять дней в году –
жизнь свою водителю трамвая.

* * *

Я терял друзей своих чудесных
в силу обстоятельств самых разных,

в силу обстоятельств неизвестных
спутниц я терял своих прекрасных.

Я давно бы мог остаться с носом,
на бобах я мог бы оказаться,
мог бы я во флаге трехполосом
раньше многих разочароваться.

Незнакомый номер телефонный
набирая как бы ненароком,
говорю, услышав голос сонный:
Я поговорить хотел бы с Богом!

* * *

Сирень легко в отрыв уходит, быстро –
всех раньше вырывается вперед,
так резко, что проскакивает искра,
и мимо проходящих током бьет.

Сколь шутки с электричеством опасны,
я знаю, памятуя опыт свой,
но так цветы весенние прекрасны,
что я рискну, пожалуй, головой.

* * *

В ежедневном уходе нуждается сад,
в добром слове старик-садовод,
потому, что он раньше был храбрый солдат,
а теперь прошлой славой живет.

В прежней жизни он был боевой офицер
и на многих глядел сверху вниз.
Про него мог Гудзенко Семен, например,
написать, или Слуцкий Борис.

Я охотно ему посвящаю стихи,
но когда бы на старости лет
мог стихи сочинять я, как те старики.
Как Державин, как Тютчев, как Фет.